

Базина Елена Сергеевна
Стокгольмский университет
Департамент Медиа
1 курс магистратуры («Media and Communication Studies»)
Email: lenabazina@gmail.com
+46 76 779 02 40

Bazina Elena
Stockholm University
Department of Media Studies
1st-year student of master's program «Media and Communication Studies»
Email: lenabazina@gmail.com
+46 76 779 02 40

**ТЕМА МИГРАЦИИ И МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ СМИ: ОБРАЗ
«ЧУЖОГО» И ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОЙ
ОБЪЕКТИВНОСТИ**

**MIGRATION AND MIGRANTS ISSUES IN THE RUSSIAN MEDIA:
THE IMAGE OF A "FOREIGNER" AND THE PROBLEM OF
INFORMATION OBJECTIVITY**

Аннотация

Статья посвящена изучению образа миграции и мигранта, представленного в российской прессе. В исследовании анализируются основные тенденции поведения российских СМИ в освещении миграционной тематики в период с 1991 по 2013 год. В работе выделены основные поворотные моменты создания того образа мигранта, который присутствует в современной российской прессе. Обсуждаются эффективные стратегии поведения журналиста в мультикультурной среде. На данный момент абстрактный процесс миграции признается российскими медиа необходимым и, скорее, положительным. В то же время мигранты как представители других национальностей, религиозных исповеданий и культур вызывают неприятие.

Ключевые слова: медиа и миграция, образ мигрантов, влияние медиа, мультикультурализм

Abstract

This article is dedicated toward addressing the issue of migrants and migration in the Russian media, specifically in dealing with the image of a «foreigner» and a problem of information objectivity. The research examines the main tendencies in coverage of migration subject during 1991-2013 years. It argues that the Russian media assess the migration process as neutral and economically positive, while the image of migrants as ‘others’ are portrayed negatively. Special emphasis is given to the roots of the current media attitude towards representatives of other cultural backgrounds. The study includes analyses of different approaches to assessing the migration process and the responsibility of media in providing objectivity.

Key words: media and migration, the image of migrants, media influence, multiculturalism

Глобальная миграция — один из главных вызовов, стоящих сегодня перед журналистским сообществом. Стремительный и массовый характер перемещений, а также технологическое развитие медиа приводит к тому, что каждый медийный текст оказывается репликой в процессе глобальной межнациональной коммуникации. В этой ситуации обостряется проблема профессиональной ответственности и информационной объективности.

Медиа в процессе глобальной миграции играют особую роль. Во-первых, под действием медиа потенциальные мигранты принимают решение о переезде и выбирают направление своего перемещения. Во-вторых, медиа становятся главным инструментом коммуникации между сообществами мигрантов и коренным населением, между мигрантами и их друзьями и родственниками, оставшимися на родине. С появлением социальных сетей эта функция особенно актуализируется. В-третьих, формируя повестку дня и конструируя особую медиарельность, СМИ создают и образ мигранта, который определяет отношение принимающего общества к приезжим [Wood, Russel 2002: 5]. При этом средства массовой информации не только транслируют сложившиеся на данный момент стереотипы и установки на восприятие «чужого», но под давлением политики редакции, запросов аудитории и личной позиции журналистов сами способствуют появлению, укоренению и трансформации этих стереотипов.

Мы поставили перед собой цель изучить образ миграции и мигранта, представленного в российской прессе, проанализировать основные причины той или иной позиции, занимаемой редакцией издания по отношению к представителям других национальностей, обозначить основные тенденции поведения российских СМИ в освещении миграционной тематики.

Актуальность такого исследования обусловлена необходимостью осознания степени влияния медиа на процессы продолжающейся глобализации и глобальной миграции, потребностью через СМИ выявить основные болевые точки миграционных процессов и выработать оптимальную стратегию поведения медиа в этих условиях.

Поскольку проблема толерантного отношения к «другому» чрезвычайно чувствительна для российского общества, в последнее время появляется все больше работ, посвященных взаимоотношениям медиа и миграции [Кочисова 2005; Верховский 2007; Кожевникова 2010]. Однако все они описывают текущее состояние вопроса в конкретный момент времени, не принимая во внимание корни возникновения сегодняшних проблем. В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть отношение медиа к миграционным процессам в динамике.

Таким образом, объектом исследования стали тексты, посвященные вопросам миграции и мигрантов опубликованные в российской прессе в период с 1991 по 2013 год, предметом — стратегии освещения миграционных тем и образ «чужого», который формируется российскими медиа.

Для того чтобы выявить причины поведения, демонстрируемого сегодня российскими медиа по отношению к мигрантам, мы выделили несколько ключевых событий, повлиявших на миграционные процессы в Российской Федерации и проанализировали их отражение в российских СМИ.

Направление и специфику внутренних и внешних миграций, а также межнациональные отношения в России на рубеже XX и XXI века определили распад Советского Союза и вооруженные конфликты на Северном Кавказе. Коллапс СССР превратил бывших соотечественников в иностранцев. На смену дружбе народов пришли национализм и ксенофобия. Мониторинг прессы первого постсоветского периода позволяет выявить, под действием каких факторов формировалось сегодняшнее отношение к мигрантам из стран бывшего Союза. Чеченский конфликт спровоцировал первую масштабную волну внутренней миграции из северокавказского региона в центр страны. Присутствующий сегодня в массовом сознании образ «кавказца» коренится в отношении населения и медиа к переселенцам из Чечни в начале 2000-х годов. Наконец, для того чтобы понять, каким трансформациям подвергся образ миграции, конструируемый российскими медиа, необходимо проанализировать освещение миграционных тем в последние пять лет.

В каждом из этих временных промежутков были выделены издания, определяющие национальную повестку дня и обладающие достаточным влиянием для формирования общественного мнения по социально значимым вопросам, и проанализированы опубликованные в них материалы, касающиеся вопросов миграции. Так для анализа отношения к мигрантам российских СМИ в первый постсоветский период были выбраны «Советская Россия», «Огонек» и «Известия». Для анализа прессы в начале 2000-х — «Комсомольская правда», «Коммерсантъ» и «Известия». И наконец, объектом исследования последнего выделенного нами временного промежутка 2009-2013 годов стали материалы «Комсомольской правды», «Российской газеты», «Новой газеты», и газеты «Коммерсантъ».

В качестве основного метода исследования был выбран метод контент-анализа. Главными критериями анализа стали: количество публикаций по данной теме в каждом конкретном СМИ, позволяющее судить об оценке изданием степени важности данного явления для своей целевой аудитории; жанровая принадлежность журналистских материалов по вопросам миграции; выбор полосы, на которой помещен материал; информационный повод и контекст, в котором так или упоминается явление миграции или связанные с ним процессы.

Миграционные процессы первой половины 1990-х стали следствием распада Советского Союза. Поэтому отношение к миграции и мигрантам, демонстрируемое в материалах той или иной газеты, неотделимо от редакционной политики издания по отношению к этому политическому событию.

Левая-патриотическая газета «Советская Россия», транслирующая идеи коммунистической партии РСФСР, выступала против распада СССР. Основным посылом материалов издания становится притеснение русскоязычного населения в странах Прибалтики: *«На улицах звучат лозунги националистических группировок, которые фактически выражают интересы правящих кругов, элиты: «Литва для литовцев», «Иван — домой», «Москва — 1020 километров». Уничтожаются надписи на русском. Сокращаются группы в вузах с русским языком обучения. Сокращается число русских школ... Русские оказались в положении людей третьего сорта»* (Услышит ли нас Россия — Советская Россия, 1991, № 187) .

Параллельно с этим развивается мысль о неблагодарности бывших «братских народов» по отношению к России и русским: *«Помним ли мы, что отсталая раньше Польша при социализме с нашей помощью вошла к 60-м годам в первую десятку промышленно развитых стран. Горько это осознавать, но молодежь не помнит, как*

голодная Россия отправляла в освобожденную Польшу эшелоны с продовольствием» (Поражение после победы — Советская Россия. 1991, № 109)

Вся информация этого периода, так или иначе касающаяся прибалтийских стран, подается в контексте межнационального противостояния. Этот контекст охватывает более двух третей всех сообщений, посвященных республикам бывшего Союза.

Следующим шагом становится создание и тиражирование мифа о жертвенности русского народа: *«Русские — самый обездоленный и гонимый в стране народ, не имеющий до сих пор своей общенациональной организации, защищающей его интересы»* (Обездоленный народ — Советская Россия, 1992, № 82). Утверждается избранность русского народа, и звучит призыв к пробуждению национальной гордости и защите своего достоинства.

Продолжением этого становится конструирование мифа о заговоре против русского народа. *«Взгляните на Москву — древнейший, исконно русский город, но хозяева в нем уже одни иностранцы. Они открыто покупают наших женщин и детей для разврата, смеются над нашими стариками, ветеранами труда, выбирающими полугнилые капустные листья»* (Он очнется, русский народ — Советская Россия. 1992, № 136).

Формируется положительный образ беженцев — этнических русских, столкнувшихся с дискриминацией в новых национальных республиках бывшего Союза. Материалы, посвященные беженцам и переселенцам, в большинстве случаев публикуются в формате «human story», в основном это очерки или интервью. Тексты направлены на то, чтобы вызывать у аудитории сочувствие и жалость. Образ представителей титульных этносов национальных республик формируется в противопоставлении беженцам. Поэтому бывшие «братские народы» теперь становятся неблагодарными националистами, ненавидящими и притесняющими русских.

Газета «Известия», занимающая либеральную позицию, оценивает независимость бывших Советских государств по-разному. Провозглашение независимости прибалтийскими государствами и Украиной оценивается положительно, поведение закавказских и среднеазиатских республик — негативно. По отношению к республикам Закавказья и Средней Азии постепенно все больше используется пренебрежительный и покровительственный тон. *«Если охрана границы российскими парнями прикажет долго жить, Туркмения как самостоятельное государство перестанет существовать»* (Русские военные в Туркмении: Москва позади, но отступить не

на что — Известия. 1994, № 130). Исключение представляет только Казахстан, политика которого оценивается положительно.

Что касается межнациональных конфликтов на территории бывших советских республик, то здесь в подробностях описываются зверские преступления всех воюющих сторон, берутся комментарии у пострадавших и очевидцев. В текстах возникает образ народов — жестоких варваров: *«Избиты до потери сознания, а затем расстреляны из автоматов и охотничьих ружей шестидесятилетний Сергей Хугаев, шестидесятилетняя Нина Бестаева, семидесятилетний Германоз Киселев. У девяностолетней Текле Казиевой отрезан палец на левой руке. Не могли снять обручальное кольцо, тогда грабитель достал нож и начал отрезать у живой старухи палец»* (Кровь и пепел – Известия. 1991, № 92).

В этот период на страницах «Известий» очень часто обсуждается вопрос, грозит ли России исламская революция. *«Надо прежде всего отдавать себе отчет, что Россия войдет в число крупнейших мусульманских стран мира, встав в один ряд с такими государствами, как Саудовская Аравия или Сирия»* (России не грозит исламская революция – Известия. 1991, № 283). Несмотря на то, что всякий раз газета отвечает на поставленный вопрос отрицательно, постоянное его присутствие в повестке дня нагнетает некоторую тревогу и опасение.

Журнал «Огонек», сочетающий в себе общественно-политическое начало с художественно-публицистическим, описывает все межнациональные конфликты в формате «human story». Война представляется одинаковым бедствием для людей всех национальностей. При этом акцент делается не на физических страданиях, а, скорее, на психологическом осмыслении того, что происходит.

Стереотип «кавказец», появляющийся на страницах российской прессы с 1993 года, поддерживается журналом, но только в отношении народов, национальные республики которых не входят в состав России: *«Популярное в Москве представление о том, что на рынках в Москве торгуют чеченцы, вообще крайне забавно, потому что внешне чеченцы совершенно не похожи на азербайджанцев, которые как раз и торгуют на рынках в Москве. Чеченцев за пределами Чечни вообще довольно мало, гораздо меньше других «лиц», скажем, армян или грузин»* (Свои среди чужих — Огонек. 1994, №24-26).

Выделяя общую характеристику поведения российских медиа в первой половине 1990-х, необходимо отметить, что все рассматриваемые нами издания конструируют положительный, вызывающий сочувствие образ беженца и формируют негативное

отношение к представителям других национальностей бывшего СССР, которые, согласно материалам СМИ, ненавидят русских (народы Прибалтики), но в то же время нуждаются в поддержке России (государства Средней Азии). Позиции журналистов кардинально разнятся: журналистское сообщество делится на тех, кто «за» и тех, кто «против».

В начале 2000-х основное внимание медиа приковано к внутренней миграции с Северного Кавказа. Миграционные процессы рассматриваются в контексте вооруженных конфликтов. В основном это репортажи из лагерей беженцев и вынужденных переселенцев. В подобных материалах прослеживается двойное отношение к мигрантам: с одной стороны, присутствует жалость и сочувствие, с другой — некоторое пренебрежение: *«Чеченцы любят говорить, что Аллах велел им размножаться. В некоторых палаточных городках каждая вторая женщина беременна... Почти никто не работает. Водку пьют, лезгинку пляшут. Многие промышляют криминалом»* (Маленький, но горный народ — Коммерсантъ. 2001, № 43).

Журналисты относятся к выходцам из Чечни настороженно, в материалах подчеркивается, что сегодняшние мигранты — это бывшие или будущие террористы или их родственники. Показательно, что все тексты, так или иначе освещающие северокавказский регион, помещены газетой «Коммерсантъ» в «Отдел преступности». Выходцы из северокавказских республик упоминаются в материалах исключительно в контексте вооруженных конфликтов.

При этом подчеркивается их особая жестокость: *«Заложников били каждый день. Били с величайшим наслаждением, со всей силы: по спине, по ногам, по почкам. Закрывать — нельзя! Позже ваххабиты объяснили, что их цель сразу же уничтожить, растоптать человеческое достоинство, чтобы пленники четко уловили: «Вы – рабы! Пустое место в человеческой оболочке!»* (Ваххабиты отрезали Вите голову, а потом заморозили ее в банку — Комсомольская правда, 26.01. 2000) Материалы сопровождаются фотографиями отрезанных частей тела, изуродованных трупов и т.д. Басаев превращается в имя нарицательное («Убит сербский Басаев»).

Надо отметить, что в газете «Коммерсантъ» все же встречаются тексты, которые показывают противостояние «чеченцы — российская власть» с другой стороны: *«Представьте себе, что 15 солдат врываются в ваш дом, не обращая внимания на документы, вопросы и крики, забирают с собой все, что им нравится, в том числе женщин. Мужчин старше 13 лет заставляют надевать камуфляжную форму или*

подкидывают оружие и уводят под видом боевиков» (Отделение страны от государства // Коммерсантъ. 2001, №45) . Но материалов, отражающих такую позицию очень мало: всего 3% от всех проанализированных нами текстов.

Регион воспринимается как рассадник терроризма. Такой же образ создается и вокруг Средней Азии: *«Метастазы терроризма ультрарадикальных мусульманских группировок проникли уже в самое сердце России. Однако главная угроза по-прежнему исходит из центральной Азии»* (Слепая правда – Известия. 2000, № 16).

Внутри северокавказской темы, в свою очередь, развиваются два мотива. С одной стороны, Северный Кавказ представляется местом, где гибнут русские люди: мирные жители и молодые солдаты. С другой — присутствует экономический посыл: Чечня отбирает у России слишком много средств.

В рассматриваемых нами медиа в начале 2000-х присутствуют две категории мигрантов из СНГ. С одной стороны, это члены криминальных группировок: *«Несколько десятков грузинских криминальных лидеров собрались в Подмосковье, чтобы обсудить передел сфер влияния, а также выработать единую тактику действий против славянских ОПГ»* (Слепая правда — Известия. 2000, № 16) . С другой — это обманутые и бесправные люди, по тем или иным причинам оказавшиеся практически в рабстве: *«Работавших там девушек (в основном уроженок Украины) регулярно избивали, морили голодом и заставляли удовлетворять все садистские прихоти клиентов»* (В публичном доме развлекались пытками – Коммерсантъ. 2001, №214).

Отражение в медиа получают и межнациональные конфликты: *«Кавказцы открыли охоту на московских скинхедов»* (Кавказцы открыли сезон охоты на московских скинхедов — Коммерсантъ, 24.11.2001), *«Банда скинхедов зачищала Кузьминки от бомжей, негров и прочих антисоциальных элементов»* (Герасимов А. Банда скинхедов зачищала Кузьминки от бомжей, негров и прочих антисоциальных элементов – Коммерсантъ, 2001, № 94). Складывается ощущение противостояния «русских» и «приезжих». Стоит обратить внимание на употребление оценочных слов в этих двух заголовках. Одинаковые преступления, совершенные представителями разных национальностей трактуются по-разному. В первом случае употреблено слово «охота», которая стоит в одном коннотативном ряду с такими выражениями как «зверство», «животный инстинкт» и т.д., Для характеристики действий скинхедов выбрано слово «зачистка», которое было изобретено для обозначения российских спецопераций на Северном Кавказе, когда речь идет о необходимом уничтожении тех, кто этого заслуживает.

Анализируя отношение российских медиа к миграции и мигрантам в этом временном отрезке, можно прийти к выводу, что российская пресса (в отличие от предыдущего рассмотренного нами периода) демонстрирует единство взглядов. Антимиграционные настроения в СМИ нарастают, в первую очередь, в отношении выходцев из Северного Кавказа. Материалы, отстаивающие противоположную точку зрения, встречаются редко. Но стоит отметить сам факт их наличия.

В последние годы миграционные вопросы рассматриваются российскими медиа в контексте взаимоотношений с приезжими из Средней Азии, образ которых укладывается в стереотипное понятие «таджик»: *«Илья Глазунов в 2002 году писал ростовой портрет Столыпина — как всегда, кошмарный, в начищенных ботинках и мундире, напоминающем цветами жилетку таджика-строителя»* (Медальный профиль — Коммерсант Weekend, 2012, № 12) и внутренними мигрантами из национальных республик Северного Кавказа, по отношению к которым употребляется слово «кавказец»: *«Жители района утверждают, что Щербаков был убит кавказцем. Это подтверждает и видео с камеры наблюдения, расположенной на одном из домов на Востряковском проезде»* (Бирюлево для бирюлевских — Новая газета, 2013, № 116)

В российских медиа в большинстве случаев миграционные вопросы освещаются в экономических категориях, которые по своему определению исключают пристрастное отношение и основываются исключительно на статистике и фактах. Подобные публикации представлены в формате комментариев и интервью с экспертами: «Если за основу мы берем установку на сырьевую экономику: «качать трубу», тогда кажется, что можно просто прожить без мигрантов. Однако наши рентные доходы не так уж и велики. Кроме того, без мигрантов не будет расти обрабатывающая промышленность, и не будет дифференцироваться хозяйство. Жить комфортно при такой рентно-сырьевой экономике, это нереально. Без привлечения мигрантов нам придется, например, платить половину зарплаты за ЖКХ и вообще распрощаться с дешевой сферой сервиса» (Я. Кузьминов «Российской газете», 2011, №5480). С другой стороны, в качестве экспертов журналисты привлекают не только экономистов. В этом случае, ситуация оценивается не столь однозначно.

Антимиграционные настроения достаточно сильны в современном российском обществе. Учитывая этот факт, ужесточение миграционной политики стало одним из ключевых моментов предвыборных кампаний кандидатов на пост мэра Москвы в 2013 году. В этом случае журналисты уже не независимо от своих личных убеждений и

позиции изданий были вынуждены публиковать даже откровенно националистические высказывания как позиции героев своих материалов.

В похожей ситуации оказываются СМИ во время антимиграционных митингов и акций протеста. Мигрантофобия стала объективной реальностью, которая отображается в СМИ: «Бирюлево» употребляется в качестве имени нарицательного: *«Бирюлево» переехало за МКАД* («Новая газета»).

Большинство стереотипов о национальном противостоянии, сформированных в предыдущие годы, остались жить в массовом сознании. Конфликты, происходящие с участием представителей различных национальностей, классифицируются как этнические, не зависимо от того, что послужило причиной столкновения. В большинстве случаев СМИ поддерживают эту тенденцию.

С другой стороны, негативный образ мигранта создается не только во время освещения конфликтных ситуаций, но и при освещении культурных традиций и обычаев другого народа. Так, например, описывая празднование мусульманами Москвы религиозного праздника Курбан-байрам, рассматриваемые нами медиа оценивают событие, скорее, как негативное, представляющее угрозу общественному порядку, а обычаи, связанные с его проведением, как чуждые и агрессивные: *«В связи с праздником были перекрыты несколько улиц в центре Москвы... У Сухаревской полицейским пришлось применить резиновые дубинки. В минувшем августе другой мусульманский праздник Ураза-байрам закончился прорывом оцепления и перекрытием проспекта Мира»* (Курбан-байрам собрал в Москве 200 тысяч верующих — Коммерсантъ, 26.10.2012). В «Комсомольской правде» репортаж начинается с описание толпы попрошак, что, безусловно, вызывает негативное отношение к происходящему (Курбан-байрам в Москве: Мусульмане молились, стоя коленями на карте — Комсомольская правда, 26.10.2012).

Несмотря на то, что Россию принято считать исторически многонациональным государством, федеральные СМИ представляют культурные традиции русского народа. Все, что не подпадает под эти рамки, расценивается как чуждое и вызывает отторжение.

В целом, можно сделать вывод, что в настоящее время медиа создают положительный образ миграции и отрицательный образ мигранта. Абстрактная миграция воспринимается как решение экономических проблем, в то время как живые реальные люди — представители других культур и национальностей — вызывают раздражение и неприятие. Такая позиция привела к тому, что радикальных

антимиграционных высказываний в современных российских медиа практически нет, однако количество текстов, в которых проявляется негативное отношение к мигрантам растет.

Таким образом, проведенное нами исследование позволило выделить основные поворотные моменты в процессе создания того образа мигранта, который демонстрируют сегодня российские СМИ. Ключевое значение для формирования отношения к «другим» сыграл распад Советского Союза и его последствия. В этот период в медиа появляется положительный образ русского беженца, вызывающий сочувствие и сострадание, и отрицательный образ его угнетателей — титульных наций бывших советских республик. «Братские народы» обвиняются в неблагодарности. Конструируется миф избранности великой русской нации. Затем возникает концепция заговора против русских, звучит призыв к национальному единению и возрождению национальной гордости.

По прошествии десяти лет образ беженца практически исчезает со страниц российских газет. На смену ему приходит образ мигранта из стран СНГ, который либо связан с криминальными группировками, либо попадает в рабское положение, занимаясь изнурительным трудом за небольшие деньги.

В свою очередь, республики Северного Кавказа, входящие в состав России, воспринимаются как рассадники терроризма. Регион упоминается в контексте гибели молодых русских солдат и в связи с большими финансовыми затратами.

Сегодня антимиграционные настроения, сформированные, в том числе и под действием медиа, превратились в объективную реальность. СМИ приходится транслировать откровенно националистические заявления как позицию своих героев. Вынуждены медиа освещать и антимиграционные митинги, и акции протеста, которые участились в последнее время. На страницах российской прессы «Бирюлево» превратилось в имя нарицательное.

Примечательно, что в последние годы откровенно антимиграционных материалов в проанализированных нами медиа практически нет. Абстрактный процесс миграции признается российскими СМИ необходимым и, скорее, положительным. В то же время мигранты как представители других национальностей, религиозных исповеданий и культур оцениваются отрицательно. Это проявляется в контекстах упоминания мигрантов, в описании их внешности, быта, обычаев.

При этом стоит отметить, что в материалах, в фокусе внимания которых оказывается не мигрант вообще, а конкретный человек с его человеческой историей,

проблемами и переживаниями, образ мигранта складывается совершенно иначе. Журналист, читатель и герой объединяются общечеловеческими ценностями, национальные отличия отходят на второй план. Формат «human story» выбирается для освещения миграционных тем очень редко, однако, видимо, именно он в большей степени способствует установлению эффективной межнациональной коммуникации в мультикультурной медийной среде.

Список литературы:

1. Верховский А.М. Идеиная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е годы. — Верхи и низы русского национализма. — М.: Сова, 2007.
2. Кожевникова Г. Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях. — Русский национализм между властью и оппозицией / Под. ред. В. Прибыловского. — М.: Центр «Панорама», 2010.
3. Кочисова А.Н. Структура и стилистика новостных программ телевидения Северного Кавказа. Автореф. дис. канд. филол. н. М., ИПК, 2005.
4. Wood N., Russel K. Media and Migration: Construction of Mobility and Difference. Taylor & Francis, 2002.